

УДК 130.2

DOI: 10.36979/1694-500X-2026-26-6-51-55

КОЛЛЕКТИВНАЯ ПАМЯТЬ МЕЖДУ ГЕРОИЗМОМ И ТРАВМОЙ: ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ РОЛЕЙ

А.А. Азимжанова

Аннотация. Рассматривается феномен коллективной памяти сквозь призму философского осмысления исторических ролей победителей и побежденных. Память о войне предстает не только как хроника героизма, но и как пространство травмы, формирующие нравственные ориентиры общества. Анализируется, как различные поколения переосмысливали прошлое – от молчания и вытеснения боли до открытого диалога и критического взгляда на историю. Особое внимание уделено трансформации памяти в современном мире, где непосредственные свидетели ушли, а культурные формы – кинематограф, телевидение, литература – становятся основными носителями исторического опыта. Показано: коллективная память является не статичным архивом, а живым механизмом формирования идентичности, способным соединять прошлое, настоящее и будущее в единую нравственную перспективу. Автор анализирует, как советская память о войне акцентировала героизм и победу, часто игнорируя травматический опыт, в то время как немецкая память о войне и ее последствиях зачастую была сосредоточена на осознании вины, утраты и моральных последствий нацизма. Эти различия сыграли ключевую роль в формировании национальных исторических нарративов, которые по-разному влияли на коллективное сознание народов.

Ключевые слова: коллективная память; война; забвение; молчание; героизм; травма; культурная память; культурный код; пространство; время; молодое поколение.

БААТЫРДЫК МЕНЕН ЖАРААТТЫН ОРТОСУНДАГЫ ЖАМААТТЫК ЭС ТУТУМ: ТАРЫХЫЙ РОЛДОРДУН ФИЛОСОФИЯСЫ

А.А. Азимжанова

Аннотация. Макалада жамааттык эс тутум феномени жеңүүчүлөрдүн жана жеңилгендердин тарыхый ролдорун философиялык түшүнүү призмасы аркылуу карайт. Согуштун эс тутуму эрдиктин хроникасы катары гана эмес, коомдун адеп-ахлактык багыттарын калыптандырган жараат мейкиндиги катары да пайда болот. Анда ар кандай муундар унчукпай жана ооруну басуудан баштап, ачык диалогго жана тарыхка сын көз караш менен өткөнгө чейин кандайча кайра ой жүгүртүшкөнү талданат. Түз күбөлөр жоголуп, маданий формалар – кино, телевидение, адабият тарыхый тажрыйбанын негизги алып жүрүүчүлөрүнө айланган азыркы дүйнөдө эс тутумду кайра өзгөртүүгө өзгөчө көңүл бурулууда. Жамааттык эс тутум статикалык архив эмес, өткөндү, учурду жана келечекти бирдиктүү моралдык көз карашка байланыштыра алган инсандыкты калыптандыруунун жандуу механизми экени көрсөтүлгөн. Бул макалада автор согуштун советтик эс тутуму баатырдык менен жеңишке басым жасап, көп учурда оор окуяларды эске албай, ал эми Германиянын согуш жана анын кесепеттерин эскерүүсү көбүнчө нацизмдин күнөөсүн, жоготууларын жана моралдык кесепеттерин аңдап билүүгө басым жасаганын талдайт. Бул айырмачылыктар улуттук тарыхый баяндардын калыптанышында негизги ролду ойноп, элдердин жамааттык аң-сезимине ар кандай таасир тийгизген.

Түйүндүү сөздөр: жамааттык эс тутум; согуш; унутуу; жымжырттык; баатырдык; жараат; маданий эс тутум; маданий код; мейкиндик; убакыт; жаш муун.

COLLECTIVE MEMORY BETWEEN HEROISM AND TRAUMA: THE PHILOSOPHY OF HISTORICAL ROLES

A.A. Azimzhanova

Abstract. The article examines the phenomenon of collective memory through the lens of a philosophical reflection on the historical roles of victors and the vanquished. War memory is presented not merely as a chronicle of heroism, but as a space of trauma that shapes a society's moral compass. The author analyzes how different generations have reinterpreted the past – shifting from silence and the displacement of pain toward open dialogue and a critical perspective on history. Special attention is paid to the transformation of memory in the modern world, where direct witnesses have passed away, and cultural forms – such as cinema, television, and literature have become the primary carriers of historical experience. It is shown that collective memory is not a static archive, but a living mechanism of identity formation, capable of uniting the past, present, and future into a single moral perspective. In the article, the author analyzes how Soviet war memory emphasized heroism and victory, often ignoring traumatic experiences, while German memory of the war and its aftermath often centered on the realization of guilt, loss, and the moral consequences of Nazism. These differences played a key role in shaping national historical narratives, which influenced the collective consciousness of these nations in distinct ways.

Keywords: collective memory; war; oblivion; silence; heroism; trauma; cultural memory; cultural code; space; time; younger generation.

Чаще всего я вспоминаю о чем-то потому,
что к этому меня побуждают другие,
что их память помогает моей памяти,
а моя память опирается на их память.

Морис Хальбвакс

Введение. Современные процессы осмысления исторического прошлого сопровождаются напряженным диалогом между памятью о героизме и памятью о травме. Коллективная память выступает не только как форма сохранения исторических фактов, но и как инструмент конструирования идентичности, через который общество определяет, кого считать героями, а кого – жертвами или свидетелями.

В условиях нарастающих тенденций к политизации истории, ревизии военных событий и символического переосмысления исторических ролей особенно важно философски осветить, как память формирует этические и экзистенциальные основания отношения к прошлому. «Коллективная память представляет собой процесс социального конструирования образа прошлого относительно актуальных для мнемонического сообщества задач настоящего. Память нестабильна, изменчива, способна к самоорганизации воспоминаний о прошлом, а также предполагает действие особого механизма искажения воспоминаний, который является результатом коммуникативного обмена воспоминаниями и носит бессознательный

характер», – считает Н.С. Корнющенко-Ермолаева [1].

Тема исследования актуальна потому, что на пересечении героизма и травмы возникает ценностный конфликт: между гордостью за подвиг и осознанием трагической цены, между коллективной мобилизацией и личной болью. Понимание этих противоречий позволяет глубже осмыслить, как формируются нарративы исторического времени и как они влияют на современную гуманитарную и общественно-политическую повестку.

Особую значимость в этом контексте приобретает анализ первой половины XX века, которая предстала как эпоха экзистенциальной неустойчивости, когда экономическая и политическая нестабильность не только разрушала устои общественной жизни, но и ставила под вопрос сами основания человеческого бытия и исторического выбора. Однако именно Вторая мировая война оставила глубочайший след в коллективной памяти, став нравственным рубежом и символом предельного испытания человеческой природы и цивилизационного пути. В сознании поколений, воспитанных в идеологическом

пространстве советского прошлого, сохраняется сложный образ пережитого ужаса Второй мировой войны. Наша память о прошлом предстает то как знание, то как наследие, то как отражение сконструированного образа. Боль, горечь, утрата, страх и подвиг – вот те экзистенциальные состояния, сквозь которые голос памяти ветеранов доносил до нас не столько факты войны, сколько ее онтологическую правду, пережитую на грани жизни и смерти. Кинематография, художественная литература, живопись, патриотические песни стали медиаторами исторической травмы, через которые культурная память формировала в нас чувство долга, благодарности и ответственности за сохранение мира. Эти формы художественного выражения не просто воспроизводили ужасы военного времени, но утверждали моральный императив – «помнить, чтобы не повторилось, чтить, чтобы остаться людьми».

В условиях советской идеологической парадигмы формирование исторической памяти и нравственного сознания подрастающего поколения происходило посредством трансляции исключительно положительных характеристик человеческой природы. «Великая Отечественная война явилась суровой проверкой дружбы народов нашей большой страны, единства советских людей. Враг наткнулся на массовый героизм советского народа. Величие духа, стойкость и патриотизм народов великой страны оказались сильнее фашистской человеконенавистнической идеологии» [2, с. 15]. Образ человека преднамеренно конструировался как воплощение героизма, самоотверженности и моральной безупречности, что приводило к искаженному восприятию действительности и исключению ее объективных, противоречивых сторон. Такая редукция многогранности человеческого опыта служила не столько познанию прошлого, сколько утверждению нормативного идеала, вписанного в рамки официального дискурса. Героизм ветеранов и образ Победы стали центральными элементами советской коллективной памяти, формируя у поколений, воспитанных в этом идеологическом контексте, устойчивое чувство исторической правоты и принадлежности к народу-победителю. Такая память, сакрализованная и героизированная, нередко вытесняла

травматический опыт войны, подменяя его идеологическим конструктом, призванным укреплять национальную идентичность и легитимизировать существующий порядок. Этот нарратив находил свое устойчивое подтверждение в праздновании Дня Победы, которое выступало не только актом коллективного воспоминания, но и механизмом символического воспроизводства героического образа прошлого, вытесняющего сложные, противоречивые и трагические аспекты исторической реальности. Советское общество предпочло облечь молчанием судьбы военнопленных и так называемых «предателей родины» – не как случайное упущение, а как сознательный акт формирования памяти, в котором забвение становилось неотъемлемой частью героического мифа, вытесняя все, что могло разрушить образ безусловного подвига и нравственной чистоты победы.

В отличие от советского опыта, где память о войне была выстроена вокруг героического нарратива и чувства гордости, немецкая культура памяти формировалась на основании признания вины, ответственности и травмы, так считает Алейда Ассман, немецкий историк, культуролог, исследователь проблемы культурной памяти [3]. Коллективная память в Германии после Второй мировой войны ориентировалась не на триумф, а на процесс критического переосмысления прошлого, включающий работу с виной и необходимостью памяти о преступлениях. Эта модель памяти, согласно А. Ассман, стала основой для формирования новой гражданской идентичности, основанной не на победе, а на нравственном долге помнить, свидетельствовать и не допустить повторения трагедии. Но для становления такой модели памяти потребовалось длительное историческое время, в течение которого пережитое проходило через осмысление, переосмысление и закрепление в коллективном сознании. А. Ассман в работе «Новое недовольство мемориальной культурой» отмечала, что «после 1945 года наступило молчание, которое стало основой немецкой мемориальной культуры, которую можно интерпретировать как форму моральной самоизоляции» [4, с. 16]. Это молчание, возможно, отражало внутренний конфликт между необходимостью признания коллективной вины

и стремлением сохранить целостность национальной идентичности. Такой выбор молчания может быть понят как попытка защититься от травматического опыта и морального краха, пережитого в ходе войны и осознания преступлений нацистского режима, что в свою очередь стало основой для дальнейших процессов коллективной рефлексии и переосмысления исторической ответственности. В интерпретации А. Ассман молчание и забвение выступали не просто как отсутствие речи или утраты памяти, но как сознательная стратегия политического бытия, позволившая послевоенному немецкому обществу пережить период внутренней трансформации и постепенно приобщиться к новой демократической реальности, преодолевая инерцию массовой приверженности национал-социалистическим идеалам. Такая точка зрения прослеживается и в исследованиях М.Ф. Черныша: «В некоторых случаях коллективная память создает собственные защитные механизмы, помогающие преодолевать последствия общественных катаклизмов. Этой цели служат защитные механизмы вытеснения, выводящие за рамки памяти травмирующие события, или механизмы проекции, выводящие обсуждаемые события за пределы ответственного поведения нынешних поколений» [5].

А. Ассман отмечает: «Если гордость, желание признания и положительная самооценка стимулируют выбор определенных воспоминаний, то вина и стыд угнетают и вытесняют существующие содержания памяти» [6, с. 154]. Применительно к данному высказыванию, можно сравнить, как складывалась послевоенная память у народов победителей и побежденных. Так, коллективная память в послевоенные времена в Советском Союзе формировалась для подрастающего поколения не только телевидением, литературой, мероприятиями, ежегодно посвященными Отечественной войне, но и личными воспоминаниями ветеранов, участников войны, тружеников тыла, которых приглашали в школы, университеты в день празднования победы. Личные воспоминания ветеранов становились не просто хроникой событий, но и нравственным ориентиром, пробуждавшим в сердцах потомков чувство гордости и являвшим живое

воплощение мужества. Важно подчеркнуть, что в советском историческом сознании Вторая мировая война обрела особый смысл, трансформировавшись в памяти Великой Отечественной войны как символе национального подвига и коллективного единства. Это было не спонтанным выражением народной памяти, а во многом сформировалось под воздействием идеологии и политики государства.

Коллективная память немцев, по А. Ассман, была, прежде всего, направлена на вытеснение травматического опыта. Переустройство политики и экономики послевоенной Германии создавало новые условия существования общества, и забвение превратилось в своеобразный механизм внутренней адаптации, позволяющей избежать мучительного взгляда в прошлое и сосредоточиться на построении будущего. Однако это забвение не было нейтральным – оно формировало особую культуру памяти, где тишина становилась не только защитой, но и скрытой нормой коллективной вины.

Однако обратной стороной этого молчания стал разрыв межпоколенческой преемственности, который оборачивался непониманием и ценностными конфликтами между носителями военного опыта и молодыми поколениями, ищущими ответы на неудобные вопросы прошлого. Большая заслуга в нарушении молчания принадлежала «поколению 1968-го года», которое стало задавать вопросы, обвинять старшее поколение за содеянные военные действия, подняла тему фашизма и его последствий. Таким образом, поколение 1968 года стало голосом исторической совести, не только обнажив заблуждения и преступления старшего поколения, но и пытаясь философски переосмыслить прошлое как пространство ответственности, а не забвения. Как справедливо отметила А. Ассман: «Если каждая сторона будет помнить о травматической истории другой страны, то все, что их разделяет, удастся преодолеть и общее знание откроет для них путь к мирному будущему. Напротив, упорное одностороннее забвение продлевает несправедливость и не исцеляет пережитую травму» [6, с. 144]. Именно молодое поколение Германии стало катализатором внутренней трансформации общества: вступив в диалог

с прошлым, оно помогло старшему поколению преодолеть экзистенциальную тяжесть войны, превратив личную и коллективную боль в опыт, способный очищать и обновлять современное существование.

Сегодня, когда из жизни ушли последние ветераны, сама память о войне все чаще опосредуется культурными формами. Кинематограф и телевидение, а также акция «Бессмертный полк», которая стала распространяться с 2015 года в постсоветских государствах, ежегодно возвращают нас к образам военного времени, выполняя роль хранителей исторического опыта, позволяют поддерживать диалог между поколениями и предостерегать общество от повторений трагедий.

Память о войне приобретает культурный код. Германия учит помнить, чтобы не повторить, а постсоветские страны учат гордиться, чтобы сохранить национальное единство.

Заключение. Коллективная память вплетена в ткань истории, пространства и времени общества. Народы – те, кто вышел из войны победителем, и те, кто потерпел поражение – не только испытали ее уроки, но и преобразовали пережитое в символы, которые сохранили в глубинных пластах своей памяти. Эти символы стали не просто отражением прошлого, но и нравственным ориентиром, формирующим самосознание новых поколений. Согласно мнению Ян Ассман, исследователя «культурной памяти»: «Мы помним не только то, что испытали от окружающих, но и то, что окружающие нам рассказывают, важность чего подтверждена для нас их словами и поведением. Уже само переживание возникает у нас с оглядкой на окружающих, в контексте социально заданных рамок значимости» [7, с. 37]. Память о войне перестала быть лишь воспоминанием – она превратилась в активный механизм осмысления вины, героизма и ответственности, соединяющий контуры

будущего. Она сохраняет опыт прошлых трагедий, напоминая о цене человеческой жизни, разрушительных последствиях насилия и ответственности за принятые решения. И это не только воспоминание о прошлом, но и нравственный ориентир, влияющий на выбор пути развития человечества.

Поступила: 24.12.2025;

рецензирована: 14.01.2026; принята: 16.01.2026.

Литература

1. *Корнющенко-Ермолаева Н.С.* Коллективная память как социальный феномен и её роль в развитии современного общества: дис. ... канд. филос. наук: 00.00.00 / Н.С. Корнющенко-Ермолаева. Томск, 2024. URL: <https://www.dissercat.com/content/kollektivnaya-pamyat-kak-sotsialnyi-fenomen-i-ee-rol-v-razviti-sovremennogo-obshchestva> (дата обращения: 31.03.2026).
2. *Шафир А.Л.* 70 лет Великой Победы. Величайший подвиг во имя Родины / А.Л. Шафир. Бишкек: Турар, 2015. 212 с.
3. *Ассман А.* Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / Алейда Ассман; пер. с нем. Бориса Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.
4. *Ассман А.* Новое недовольство мемориальной культурой / Алейда Ассман. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 232 с.
5. *Черныш М.Ф.* Коллективная память, ее структура и культурные предпосылки / М.Ф. Черныш // Социологический журнал. 2025. Том 31. № 3. С. 9–23. URL: <https://doi.org/10.19181/socjour.2025.31.3.1> EDN: CSEWNW
6. *Ассман А.* Забвение истории – одержимость историей / Алейда Ассман; сост.; пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 552 с.
7. *Ассман Я.* Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Ян Ассман; пер. с нем. М.М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.